

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Девушка в тумане

Охотник за тенью

Подсказчик

Донато
КАРРИЗИ

ПОДСКАЗЧИК

Санкт-Петербург

Тюрьма [REDACTED]
Пенитенциарный округ № 45
Рапорт начальника, д-ра Альфонса Беранже

В канцелярию
Генерального прокурора
Ж. Б. Марена

Тема: КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Уважаемый господин Марен!

Осмелюсь написать Вам о весьма странном случае, произошедшем с одним арестантом.

Речь идет о заключенном под номером РК-357/9. Мы называем его только по номеру, поскольку он не пожелал открыть нам свое имя.

Полиция задержала его 22 октября. Человек бродил ночью — один и без одежды — по деревенской улице района [REDACTED].

Сопоставление отпечатков пальцев с теми, что содержатся в архивах, полностью исключает его соучастие в предыдущих правонарушениях, равно как и в преступлениях, оставшихся нераскрытыми. Однако упорный отказ назвать себя, в том числе и в зале суда, стоил ему приговора к четырем месяцам и восемнадцати дням тюремного заключения.

С момента поступления в исправительное учреждение заключенный РК-357/9 ни разу не нарушил дисциплину и неизменно соблюдал тюремный распорядок. По характеру этот человек довольно замкнут и не склонен к общению с окружающими.

Возможно, именно поэтому никто до сих пор не заметил странного поведения, лишь недавно привлекшего внимание одного из наших надзирателей.

Заключенный РК-357/9 протирает суконной тряпочкой все предметы, с которыми соприкасается, собирает все волоски, выпадающие у него за день, до блеска начищает столовые приборы и унитаз всякий раз после их использования.

Иными словами, мы имеем дело с маньяком гигиены или же — что более вероятно — с человеком, который ни под каким видом не желает оставлять органический материал.

Вследствие этого у нас возникли серьезные подозрения, что заключенный РК-357/9 совершил особо тяжкое преступление и намерен помешать нам получить анализ ДНК для его опознания.

До нынешнего дня он содержался в одной камере с другим заключенным, который явно содействовал ему в сокрытии биологических следов. Но мы пресекли это сообщничество, переведя его в одиночную камеру, о чем уведомляю Вас.

Прошу дать поручение Вашим подчиненным провести надлежащее расследование и при необходимости срочно получить постановление суда на взятие у заключенного РК-357/9 анализа ДНК.

Прошу также учесть тот факт, что через 109 дней (12 марта) срок его заключения истекает.

Заверяю Вас в моем низжайшем почтении,

начальник тюрьмы
д-р Альфонс Беранже

1

*Место в окрестностях В.
5 февраля*

Его доставил вертолет, который по памяти, словно ночная бабочка, уверенно летел сквозь ночь. Чуть трепетали пыльные лопасти, облетая засады гор, безмолвных, словно великаны, уснувшие плечом к плечу.

Над ними расстиралось бархатное небо. Внизу шумел густой лес.

Пилот обернулся к пассажиру и указал ему на громадный белый котлован в земле, похожий на раскаленное жерло вулкана.

Вертолет повернул в том направлении.

Спустя семь минут они приземлились на обочине автострады. Магистраль была перекрыта, и район оцеплен полицией. Человек в синем костюме подошел встретить пассажира под самый винт, придерживая трепетавший на ветру галстук.

— Добро пожаловать, доктор, ждем вас, — постарался он перекричать шум моторов.

Горан Гавила не ответил.

Спецагент Стерн продолжал:

— Пойдемте, я вам все объясню по дороге.

И они направились по неровной тропке, оставив за спиной гул вертолета, который снова взлетел, ввинчиваясь в чернильное небо.

Туманная завеса скользила, как саван, обнажая очертания холмов. Вокруг плыли растворенные в ночной влаге запахи леса, пронизывая одежду и добираясь до тела.

— Все было непросто, уверяю вас. Словами не передашь, это надо видеть.

Агент Стерн шел на несколько шагов впереди Горана, раздвигая ветви кустов, и, не оборачиваясь, продолжал рассказывать:

— Все началось сегодня утром, около одиннадцати. Двое ребятишек шли по тропинке со своей собакой. Входят в лес, поднимаются на холм и оттуда спускаются на поляну. Собака — лабрадор-ретривер, они любят копать, сами знаете... Словом, пес вдруг почуял что-то, стал сам не свой и как начал копать. Тут первый и вылез.

Горан сдерживал шаг, поскольку растительность на холме становилась все гуще, а сам склон — все круче. Он заметил у Стерна небольшую прореху на штанине, возле колена, — стало быть, этой ночью он немало побродил среди этих зарослей.

— Ребятишки, разумеется, сразу убежали и доложили местной полиции, — продолжал агент. — Те приехали, осмотрели местность, рельеф, стали искать улики. Все как положено. Потом кому-то стукнуло в голову выкопать другую яму — нет ли чего еще.... И вот он, второй! Тогда они вызвали нас. Мы ведь тут с трех часов торчим. Кто знает, сколь их там под землей? Ну вот, прибыли мы, значит...

Перед ними открылась небольшая поляна, освещенная прожекторами, — световое жерло вулкана. Внезапно запахи леса исчезли, и обоим в нос ударила характерная вонь. Горан поднял голову, потянул ноздри:

— Фенол.

И увидел.

Круг небольших могил. И людей — человек тридцать — в белых комбинезонах, которые в этом марсианском галогеновом свете раскапывали ямы лопатками и осторож-

но расчищали их метелками. Кто-то прочесывал траву, кто-то фотографировал и записывал в журнал каждую находку. Движения их были замедленными, жесты — точными, обдуманными, но словно бы под гипнозом, и всех окутывала какая-то сакральная тишина, которую время от времени нарушало лишь слабое щелканье вспышек.

Горан выделил среди них агентов Сару Розу и Клауса Бориса. Еще там был Рош, старший инспектор, который узнал его и тут же широкими шагами двинулся навстречу. Он собирался что-то сказать, но доктор опередил его вопросом:

— Сколько?

— Пять. Каждая длиной пятьдесят сантиметров, шириной двадцать и пятьдесят глубиной... Что, по-твоему, хоронят в таких ямах?

Во всех одно и то же. Одно и то же.

Криминолог сверлил его глазами в ожидании ответа.

И дождался:

— Левую руку.

Горан обвел взглядом людей в белых комбинезонах, копошившихся на этом нелепом кладбище под открытым небом. Земля вернула только разложившиеся останки, но корень этого уходил в глубины времени, в нереальное бытие.

— Это они? — спросил Горан, хотя уже знал ответ.

— Судя по анализу ПЦР, это лица женского пола, белые, от семи до тринадцати лет.

Девочки.

Рош произнес эту фразу без всякого выражения. Будто долго сдерживал плевок, от которого горечь разлилась во рту.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

Двадцать пять дней назад провинциальный журналист поместил заметку: пропала ученица престижного интерната для детей богатых родителей. Двенадцатилетняя девочка по имени Дебби. Все решили, что это бегст-

во. Одноклассники видели, как она выходила из школы после уроков. Ее отсутствие было замечено только во время вечерней переключки в дортуаре. Сюжет, изложенный снисходительным тоном, занял половину третьей полосы; в благополучном исходе поисков поначалу никто не сомневался.

Затем исчезла Анника.

Десятилетняя девочка из предместья с деревянными домиками и белой церковью. Решили, что она заблудилась в лесу, куда частенько ездила на велосипеде. В поисках приняли участие все жители пригорода. Но безрезультатно.

Прежде чем люди осознали, что произошло на самом деле, грянул третий случай.

Третью звали Сабина, самая маленькая. Семь лет. Случилось это в городе, в субботний вечер. Родители вместе с дочкой отправились в луна-парк, как и прочие семьи с детьми. Там, на карусели, она села на лошадку, рядом было полно других детей. Мать увидела ее на первом круге и помахала ей. На втором помахала снова. А на третьем Сабина уже не было.

Только тогда кое у кого мелькнула мысль, что пропажа трех девочек на протяжении трех дней — явно неспроста.

Были развернуты полномасштабные поиски. Последовали сообщения по телевидению. По городу поползли слухи, что действует один или несколько маньяков, возможно даже банда. По сути, сведения, дающие возможность выстроить более или менее обоснованную версию, у следствия отсутствовали. Полиция установила горячую линию для сбора информации, хотя бы и анонимной. Звонков было сотни; на их проверку ушли бы месяцы. Но никаких следов пропавших девочек так и не обнаружили. В комиссариате полиции никак не могли договориться, под юрисдикцию какого отдела попадает этот случай.

Наконец в дело вступила следственная группа по расследованию особо тяжких преступлений во главе со старшим инспектором Рошем. Поиски пропавших детей не входили в его компетенцию, но общий психоз достиг такого накала, что было решено сделать исключение.

Рош и его группа уже работали вовсю, когда исчезла четвертая девочка.

Мелисса была старше всех — тринадцать лет. Как и всем девочкам в округе, родители запретили ей выходить по вечерам, боясь маньяка, державшего в страхе весь город. Но это вынужденное затворничество совпало с днем ее рождения, и у Мелиссы были на тот вечер свои планы. Они с подружками замыслили побег и решили провести вечер в местном боулинге. Все подружки явились. Не пришла только Мелисса.

После ее исчезновения началась охота на монстра, порой весьма сумбурная, несогласованная. Жители объединились, готовые самолично вершить правосудие. Полиция установила блокпосты на всех дорогах. Проверки всех бывших заключенных или подозреваемых в преступлениях, связанных с малолетними детьми, ужесточились. Родители не отпускали детей одних из дому даже в школу. Многие учебные заведения закрылись ввиду неявки учащихся. Люди покидали свои дома только в самых крайних случаях. Вечером, после восьми часов, города и деревни буквально вымирали.

Какое-то время известий о новых исчезновениях не поступало. И многие начали думать, что принятые меры предосторожности достигли желаемого эффекта — отпугнули маньяка. Но это было заблуждение.

Похищение пятой девочки стало самым скандальным.

Каролина, одиннадцать лет. Ее утащили прямо из постели, в которой она спала рядом с комнатой ничего не заметивших родителей.

Пять девочек за неделю! Потом семнадцать дней за-тишья.

До сего момента.

До этих пяти погребенных детских рук.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

Горан уперся взглядом в круг этих могил. В жуткий хоровод ручек. Казалось, вот-вот зазвучит детская песенка.

— Теперь уже ясно, что это не простые исчезновения, — говорил Рош, подзывая к себе команду.

Обычная практика. Роза, Борис и Стерн подошли и стали слушать, опустив глаза в землю и сцепив руки за спиной.

— Я думаю о том, кто привел нас сюда в этот вечер. О том, кто все это предвидел. Мы здесь, потому что *он* так захотел, это *его* замысел. И все это он устроил для нас. Этот спектакль для нас, господа. Только для нас. Тщательно подготовленный спектакль. Он предвкушал этот момент и нашу реакцию. Хотел ошеломить. Показать, как он велик и всемогущ.

Все закивали.

Кто бы он ни был, этот постановщик, его ничем не проймешь.

Рош, давно включивший Гавилу в группу как полноправного специалиста, вдруг заметил, что криминалист, глядя в одну точку, напряженно о чем-то думает.

— А ты, доктор, что скажешь?

И тогда Горан нарушил воцарившуюся тишину единственным словом:

— Птицы.

Поначалу никто его не понял.

А он после паузы невозмутимо продолжил:

— Я сначала не заметил, только сейчас обратил внимание. Странно. Послушайте.

Из тьмы леса доносилось птичье многоголосье.

— Поют, — удивленно проговорила Роза.

Горан обернулся к ней и кивнул.

— Реагируют на свет. Перепутали прожектора с солнцем. Вот и поют, — пояснил Борис.

— По-вашему, это и есть замысел? — спросил Борис, повернувшись к нему. — Или... пять зарытых рук. Конечности. Без тел. И вы считаете, в этом нет особого зверства. Нет тела — нет лица. Нет лица — нет человека, нет личности. Спрашивается, где же девочки? Ведь их тут нет, в этих ямах. Мы не можем заглянуть им в глаза и потому не ощущаем всей глубины трагедии. Ведь это, собственно говоря, не люди. Это лишь *части*... Они не могут вызвать сострадание. Он не явил нам такой милости. Страх — вот наш удел. Нам не дано оплакивать этих малюток. Он лишь дал нам понять, что они мертвы. По-вашему, это имеет смысл? Стаи птиц кричат во мраке, который прорезал искусственный свет. Мы их не видим, а они наблюдают за нами — тысячи птиц. Что это? Вроде бы обычное явление. А на поверку — плод иллюзии. Вот и надо приглядеться к иллюзионистам: зло порой вводит нас в заблуждение, маскируясь под вполне *обычное* явление.

Все молчали. Казалось, криминалисту вновь удалось выявить вроде бы мимолетный, но навязчивый символический смысл. Тот, который прочие обычно не видят, или, как в данном случае, не слышат. Детали, контуры, нюансы. Тень от предметов, темная аура, в которой таится зло.

У каждого маньяка свой четкий почерк, в котором он обретает удовлетворение, которым гордится. Труднее всего понять его умонастроение. Затем и нужен Горан. Для того-то его и вызвали, чтобы он обнаружил это необъяснимое зло с помощью эффективных средств своей науки.

В этот момент к ним подошел рабочий в белом комбинезоне и растерянно доложил:

— Господин инспектор, тут еще кое-что... *Рук стало шесть.*

Учитель музыки заговорил.

Но ее поразило не это. Такое бывает. Многие одинокие личности высказывают свои мысли в заточении домашних стен. Миле и самой случалось говорить вслух, когда она бывала дома одна.

Нет. Новизна была в другом. Окупилась целая неделя сидения в промерзшей машине, припаркованной перед серым домом; неделя подглядывания в маленький бинокль за перемещениями человека лет сорока, пухлого и рыхлого, который спокойно курсировал по своей небольшой упорядоченной вселенной, повторяя одни и те же жесты, словно ткал ему одному видимый узор паутины.

Учитель музыки заговорил. Новым на сей раз было то, что он *произнес имя*.

Мила следила за тем, как буква за буквой слетают с его губ. Пабло. Это подтверждение, ключ, открывающий доступ в таинственный мир. Теперь она это знала.

Учитель музыки принимал гостей.

Еще десять дней назад Пабло был всего лишь восьмилетним быстроглазым мальчишкой с темно-русскими волосами, который раскатывал по кварталу на своем скейтборде. Это было неизменно: по всем поручениям матери и бабки Пабло гонял на скейте. Часами мог сновать на этой доске взад-вперед по улице. Для соседей, наблюдавших за ним в окно, малыш *Паблито* (так его все называли) уже стал привычной деталью пейзажа.

Быть может, именно потому в то февральское утро никто из обитателей жилого квартала, знавших друг друга по именам и ведущих однообразную жизнь, ничего не заметил. На пустынной улице появился зеленый универсал «вольво» (недаром учитель музыки выбрал машину, похожую на прочие семейные фургоны на подъездных аллеях). Тишину — такой привычный атрибут субботнего утра — нарушали только ленивое шуршание шин по асфальту и стальное царапанье скейтборда, набирающего скорость. Пройдет шесть долгих часов, прежде чем кто-то заметит, что в звучании субботнего утра не хватает именно этого царапанья и что малыша Пабло холодным солнечным утром поглотила ползучая тень, намертво оторвав его от любимого скейта.

Полицейские, которые после подачи заявления наводнили сонный квартал, окружили доску на четырех колесах.

Это случилось всего десять дней назад.

Возможно, теперь уже поздно для Пабло. Для хрупкой детской души. Для того, чтобы без последствий вырвать его из кошмара.

Теперь скейт лежит в багажнике полицейской машины вместе с игрушками, одеждой, другими вещдоками, которые Мила буквально обнюхала, чтобы взять след, который привел ее к этой бурой норе. К учителю музыки, что преподает в высшем учебном заведении, а еще играет на органе в церкви утром по воскресеньям. Вице-президент музыкального общества, он каждый год проводит небольшой фестиваль, посвященный Моцарту. Застенчивый холостяк, очкарик с залысинами на лбу и мягкими влажными руками.

Мила рассмотрела его как следует. Наблюдательность — ее талант.

Она шла в полицию с вполне конкретной целью и, закончив академию, всю себя посвятила профессии. Уголовные элементы или закон как таковой ее не интересо-

вали. Не для того она без устали обшаривала каждый закуток, где незаметно кроется чья-то тень.

Прочитав имя Пабло по губам учителя, Мила почувствовала острую боль в правой ноге — то ли от многочасового сидения в машине в ожидании этого знака, то ли от раны на бедре, на которую пришлось накладывать швы.

«Ничего, потом займусь лечением», — пообещала она себе. Потом. А сейчас, едва в голове оформилась эта мысль, Мила приняла решение немедленно войти в тот дом, чтобы разрушить чары и прекратить этот кошмар.

— Докладывает агент Мила Васкес. Обнаружен подозреваемый в похищении малолетнего Пабло Рамоса. Проживает в доме бурого цвета, номер двадцать семь по бульвару Альберас. Возможны осложнения.

— Вас понял, агент Васкес. Направляем двоих патрульных, они будут у вас минут через тридцать.

Долго.

Тридцати минут у Милы нет. И у Пабло нет.

Страх оказаться лицом к лицу с формулой «слишком поздно» заставил ее двинуться по направлению к дому.

Голос из рации звучал далеким эхом, а она, держа пистолет у бедра и бдительно озираясь, мелкими быстрыми шагами добралась до белого забора, которым дом был обнесен только сзади.

Громадный белоствольный платан простер над ним свою крону. Листья то и дело меняли цвет, по воле ветра показывая серебристую изнанку. Мила подошла к деревянной калитке, прильнула к штaketнику, прислушалась. Время от времени в уши ударяли волны рок-музыки, донесенные ветром бог знает откуда. Мила, вытянув шею, заглянула за калитку и окинула взглядом ухоженный сад, сарайчик, красный резиновый шланг, змеящийся по траве к дождевальной установке. Пластиковую мебель, газовую печь для барбекю. Все тихо. Лилово-сиреневые двери матового стекла. Мила протянула руку и откинула ще-